

Андреев Игорь Владимирович

НЕКОТОРЫЕ СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЕ АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ РУССКИМИ "НОВЫМИ" ЛИБЕРАЛАМИ ФЕНОМЕНА ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПАРТИЙНОСТИ: КОНЕЦ XIX - НАЧАЛО XX В.

В статье рассматриваются представления видных теоретиков русского либерализма о важнейших социальных предпосылках генезиса института политических партий. К числу этих предпосылок относились, в частности, процессы трансформации сословной организации общества, вовлечение широких народных масс в политическую жизнь, повышение социальной роли интеллигенции. Автор акцентирует внимание на принципиальных различиях в восприятии данного круга проблем, имевших место в рамках русского либерального научного сообщества.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2012/2-1/3.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2012. № 2 (16): в 2-х ч. Ч. I. С. 17-24. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2012/2-1/

© Издательство "Грамота"

Информацию о том, как опубликовать статью в журнале, можно получить на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

Таким образом, проблематика мизансценических принципов построения хоровых сцен в XX веке приобретает исключительно острое значение, и «хоровой вопрос» остается актуальным вплоть до настоящего момента. Какими приёмами пользовались постановщики предыдущих поколений, как происходил отбор необходимых режиссерских инструментов при создании тех или иных массовых сцен – этот аспект профессии остаётся открытым и требует глубокого теоретического осмысления.

Полемика о неравнозначности понятий «мизансцена хора» и «хоровая композиция» в музыкальном театре также продолжает свое «конфликтное» существование, и нет никакого сомнения в необходимости уточнения методологии и четко артикулированного решения данного спора.

Список литературы

1. Аполлон. 1913. № 4. 25 с.
2. Бармак А. Художественная атмосфера: этюды. М.: ГИТИС, 2004. 302 с.
3. Каган С. Системность и целостность [Электронный ресурс]. URL: http://www.psylib.org.ua/books/_kagam01.htm
4. Лосев С. М. Георгий Товстоногов репетирует и учит: литературная запись. СПб.: Балтийские сезоны, 2007. 608 с.
5. Луначарский А. В. Почему мы сохраняем Большой театр. Л.: Управление гос. академических театров, 1925. 32 с.
6. Мейерхольд В. О театре. СПб.: Просвещение, 1913. 208 с.
7. Мочалов Ю. Композиция сценического пространства: поэтика мизансцены: учебное пособие для учебных заведений культуры. М.: Просвещение, 1981. 239 с.
8. Пави П. Словарь театра. М.: Прогресс, 1991. 504 с.
9. Попов А. Д. Творческое наследие: избранные статьи, доклады, выступления / вступит. статья Н. Крымовой. М.: ВТО, 1980. 479 с.
10. Тарковский А. Уроки режиссуры: учебное пособие. М., 1993. 92 с.
11. Эйзенштейн С. М. Избранные произведения: в 6-ти т. М.: Искусство, 1966. Т. 4. Режиссура: искусство мизансцены. 821 с.
12. Эйзенштейн С. М. Метод. М.: Музей кино; Эйзенштейн-центр, 2002. Т. 2. Тайны мастеров. 688 с.
13. Энгель Ю. Д. Глазами современника: избранные статьи о русской музыке. М.: Советский композитор, 1971. 523 с.

ABOUT THE PROBLEM OF CHORAL MISE EN SCÈNE

Elena Ivanovna Aleksandrova

Department of Musical Theatre Direction and Actor Mastery

Russian University of Dramatic Art

aleksandr.elena@gmail.com

The author considers the question of understanding the term “mise en scene” in the Russian director school outstanding representatives’ theoretical works within the XXth century, as well as the technique of a notion assimilation in students-directors’ training practice and pays special attention to the theoretical analysis of the term “choral mise en scene” which has never been studied before to the full extent within the given timeframe.

Key words and phrases: choral mise en scene; term “mise en scene”; question statement; direction; opera; drama; the XXth century; dramatic art.

УДК 101.1:316

В статье рассматриваются представления видных теоретиков русского либерализма о важнейших социальных предпосылках генезиса института политических партий. К числу этих предпосылок относились, в частности, процессы трансформации сословной организации общества, вовлечение широких народных масс в политическую жизнь, повышение социальной роли интеллигенции. Автор акцентирует внимание на принципиальных различиях в восприятии данного круга проблем, имевших место в рамках русского либерального научного сообщества.

Ключевые слова и фразы: русский либерализм; институт политических партий; теория политических партий (партология); общественный прогресс; сословная организация общества; народные массы и политика; политическая роль интеллигенции.

Игорь Владимирович Андреев, к. филос. н., доцент

Кафедра истории, философии и социологии

Московская государственная академия коммунального хозяйства и строительства

i1532@yandex.ru

НЕКОТОРЫЕ СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЕ АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ РУССКИМИ «НОВЫМИ» ЛИБЕРАЛАМИ ФЕНОМЕНА ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПАРТИЙНОСТИ: КОНЕЦ XIX – НАЧАЛО XX В. ©

На рубеже XIX-XX веков в России заметно ускорился процесс кристаллизации идейных и организационных основ «нового» либерализма, претендовавшего на роль авангарда освободительного движения в условиях,

существенно отличавшихся от социального контекста западноевропейских буржуазно-демократических революций. Нарастающий политический потенциал российского рабочего класса, востребованность идей социализма в широких слоях социума обусловили установку «новых» либералов на синтез в рамках своей идеологии классических либеральных ценностей и некоторых компонентов социалистического мировоззрения.

В работах идеологов «нового» либерализма получили освещение вопросы будущего конституционного строя России, диалектики революционных и реформистских форм политической практики, оптимального сочетания политических и социально-экономических программных установок, тактики взаимодействия с другими политическими субъектами освободительного движения. Большой интерес проявляли либералы и к деятельности политических партий, которые к тому времени не только превратились в значимый институт политической сферы западных стран, но и, как представлялось многим, всё более заявляли о себе как атрибутивном компоненте политического устройства России, идущего на смену самодержавию. К числу учёных, внёсших наибольший вклад в становление отечественной либеральной теории политических партий, надо отнести признанного идеолога и политического лидера русского либерализма П. Н. Милюкова, а также многочисленных авторов специальных монографических исследований по данной проблематике – М. Я. Острогорского [7; 12; 13], Ю. С. Гамбарова [2] и В. М. Хвостова [11].

М. Я. Острогорскому в этом ряду принадлежало особое место. Он обладал явным преимуществом как по числу и объёму написанных им научных трудов по партологии, так и по глубине разработки темы. Именно он – единственный среди русских либеральных мыслителей – впоследствии был признан одним из классиков современной теории политических партий.

Впрочем, этот статус Острогорского неоднократно подвергался сомнению в западной научной литературе. Одной из причин этого было присутствие в его политической концепции элементов утопизма, связанных с необщепринятой трактовкой исторической перспективы института политических партий. По мнению Острогорского, к концу XIX в. политические партии исчерпали свой позитивный потенциал и подлежали вытеснению из политической сферы. На смену им должна была прийти система временных узкоспециализированных групп интересов («свободных союзов») – менее заорганизованных и идеологизированных, более гибких и сосредоточенных на решении конкретных проблем общественной жизни.

Разумеется, для большинства русских либералов, не мысливших расширения своего политического влияния иначе как посредством деятельности своих эффективных политических партий, такой вывод был неприемлемым. Вполне естественно поэтому, что, как будет показано ниже, П. Н. Милюков, Ю. С. Гамбаров и В. М. Хвостов не только не поддержали данный тезис М. Я. Острогорского, но и разошлись с ним в социально-философской трактовке феномена политической партийности.

Вообще говоря, присутствие социально-философского контекста в партологических исследованиях было, начиная с Б. Н. Чичерина [1], характерной чертой русской либеральной мысли. В рамках этого подхода, в частности, русскими либералами на основе глубокого изучения обширного исторического материала были сформулированы обобщающие выводы о специфике политических партий как институционального механизма реализации *субъективного фактора* общественного развития. Ими были исследованы также роль партий в диалектическом процессе взаимодействия интересов *социального целого и его частей*, влияние партийной организации на развитие *личностных качеств* индивида как актора политической сферы и др. На наш взгляд, эта интересная проблематика пока не удостоилась должного внимания со стороны отечественных и зарубежных исследователей. Не имея возможности в рамках настоящей статьи осветить данный круг вопросов целиком, мы хотели бы ограничиться сейчас анализом суждений представителей русского «нового» либерализма о преемственности института политических партий относительно предшествовавших ему форм сословной организации и о партиях как новой исторической форме представительства политических интересов народных масс и интеллигенции.

1. Политические партии и сословная организация. Концепция политических партий П. Н. Милюкова складывалась в контексте представлений учёного об общей направленности общественного прогресса, характеризующейся постепенным *возрастанием доли «общественно-целесообразных поступков»*, достигаемым в ходе целенаправленной координации практических действий социальных групп и индивидов. На ранних этапах общественной эволюции эта координация осуществлялась в рамках «охотничьих шаек», «родовой и племенной организации». Позднее роль координатора берет на себя государство, причем область общественно-целесообразных действий, складывающихся по поводу борьбы социальных групп за государственную власть и её использование в своих интересах, Милюков считал «наиболее важной по их характеру» [5, с. 4-6]. Учёный полагал, что исторически первой общественной группой, предпринимавшей общественно-целесообразные действия по отношению к государственной власти, были средневековые сословия в Европе. Главным содержанием («целью») «сословной борьбы против представителей государственной власти» выступало «удовлетворение материального интереса того или другого сословия», а основным инструментом этого противоборства являлась сословная организация [Там же, с. 6].

Наступление Нового времени, отмечал П. Н. Милюков, ознаменовалось существенной трансформацией целей, средств и результатов общественно-целесообразной деятельности. Всё явственнее проявлялась тенденция «возвышения» её «общественного характера» над индивидуальными и групповыми интересами. «Увеличение благосостояния, – констатировал учёный, – конечно, осталось целью общественной деятельности, но вместо непосредственной цели – благосостояния данной общественной группы – была выдвинута более общая и отвлечённая формула, во имя которой следовало добиваться наибольшего благосостояния для

наибольшего количества людей» [Там же, с. 7]. В новых условиях, говорил П. Н. Милоков, прежние сословные организации были вынуждены скорректировать восприятие их социально-политической практики социумом, «попытавшись доказать, что их групповой интерес... совпадает с наибольшим благосостоянием общества». Учёный полагал, что указанное изменение в методах политической практики сословных организаций послужило первоначалом к созданию более высокой формы политической организации – института политических партий. «Сословные интересы», подчёркивал он, подкреплённые «сколь угодно сильной сословной организацией», образуют тот «первый реальный материал, из которого создаётся общественное мнение, и группируются общественные партии» [Там же, с. 10].

Нетрудно увидеть, что логика рассуждений П. Н. Милокова об историческом развитии содержания и формы общественно-целесообразной деятельности напоминает гегелевскую диалектическую «спираль». На начальном («тезисном») этапе доминируют общественно-целесообразные социальные действия индивидов, координируемые «родовой и племенной организацией» и непосредственно направленные на обеспечение выживания родоплеменной группы. На последующем («антитезисном») этапе интересы социума как целого реализуются лишь в некоторых направлениях деятельности государственных институтов, тогда как основной массив общественно-целесообразных действий оказывается нацеленным на достижение узкогрупповых целей – обеспечения «собственного благосостояния» сословных организаций. На высшем («синтезном») этапе при сохранении функций выражения узкогрупповых интересов как в деятельности сословных организаций, так и впервые возникших политических партий всё большее место в политической практике этих структур (равно как и государственного аппарата) получают функции представительства *совокупных* общественных интересов. П. Н. Милоков подметил также, что на этом этапе в результате «включения партийной борьбы в здоровую политическую жизнь» происходит трансформация образа государственной власти в массовом сознании и сознании политических элит. По его мнению, в рамках дискурса относительно перспектив совершенствования государственности традиционная акцентировка необходимости «раздела власти между государем и его подданными» уступает место установке на осуществление «тех изменений и усовершенствований в организации государственного строя, которые необходимы для наибольшего благосостояния большинства». При этом сама государственная власть начинает восприниматься в полной мере как «единая и неделимая» [Там же, с. 9].

По всей вероятности, известное влияние на указанную П. Н. Милоковым корреляцию между тенденцией усиления надгруппового характера общественно-целесообразной деятельности и возникновением института политических партий оказало известное определение политической партии, данное Э. Бёрком ещё во второй половине XVIII века, но часто цитировавшееся и столетием спустя. Политическая партия, согласно формулировке английского мыслителя, есть группа людей, стремящихся поставить свои соединённые силы на службу *национальному интересу* на основе единого принципа, которого они все придерживаются. В этой связи надо отметить, что В. М. Хвостов предостерегал от излишней переоценки значимости этой дефиниции, отметив, что хотя она и «довольно правильно передает суть дела», но всё же «в частности является несколько узкой». Так, например, указывал он, «не всегда партии служат именно национальному интересу... возможны партии и для защиты специально классовых интересов» [11, с. 24]. Однако и он соглашался с тем, что в любом случае политические партии стремятся закамouflировать свои «специальные» интересы, представляя их в качестве «требований общего блага» [10, с. 32].

Установка на выявление генетической связи института политических партий с предшествующими видами социальных организаций присутствует и в работах Ю. С. Гамбарова, отмечавшего, что «политические партии могут быть признаны... прогрессивной организацией, стоящей в соответствии со всей эволюцией общественных союзов...» [2, с. 6]. Затронув проблему соотношения сословных организаций и политических партий, он подчеркнул *историческую необходимость* вытеснения первых последними в процессе становления современного представительного строя. «Закрытый» характер сословных организаций и обладание ими «исключительными правами» оказались несовместимыми с продекларированным современным государственным правом принципами гражданского равенства и представляющими в силу этого угрозу «государственному единству». Вот почему, отметил Гамбаров, государство не могло допустить «простого» усвоения сословными организациями новых партийно-политических форм при сохранении их прежней сущности. Оно открыло дорогу «современным» политическим партиям, построенным на бессословных и вненациональных принципах и «поэтому уже не только не грозящим единству государства, но, напротив, постоянно питающим и поддерживающим это единство» [Там же, с. 29].

Совершенно иным – так сказать, «экзистенциальным» – был ракурс рассмотрения данного проблемного поля у М. Я. Острогорского. Политические партии для него – это новейшая форма, в которую в наши дни облачается «тирания» для продолжения извечной борьбы против «свободы человеческого разума и достоинства человеческой личности». В этом смысле партийная тирания по своей сути сопоставима с тиранией церкви, князей, знати, касты, национальности, расы [7, с. 563]. При этом среди всех исторических форм бытия «тирании» мыслитель особо выделял институт религии, оказавший, по его мнению, наибольшее влияние на деградацию института политических партий. Так, например, неприятно поразившая Острогорского в период Первой русской революции нетерпимость во внутрипартийных и межпартийных отношениях была, как считал он, прямым следствием многовековой традиции борьбы с «ересью» и «греховностью» во имя «ортодоксии» и «праведности». Известное изречение Аристотеля о том, что человек – это «политическое животное», «сделалось истиной лишь в недавнее время», полагал Острогорский, тогда

как «долго, очень долго» он «оставался почти исключительно – “религиозным животным”». Именно потому, что «фанатизм» оказался столь прочно укоренённым «в глубинах души человеческой», он столь «беспрепятственно и совсем незаметно» в процессе секуляризации общественных отношений трансформировался из религиозного феномена в феномен политический [8, с. 452, 453].

М. Я. Острогорский был скептически настроен относительно перспективы достижения когда-нибудь окончательной победы над злом «тирании» и призывал своих читателей к мобилизации всех своих духовных сил для перманентного противостояния «состоянию рабства». «Напрасно иногда думают», предостерегал он, что «тирания» побеждена – «голова гидры постоянно вырастают вновь. И нет, кажется, возможности отрубить их все сразу; идея свободы с бесконечной трудностью укореняется в умах... Быть может, так должно быть до окончания века, и под страхом морального самоубийства придётся бесконечно возобновлять вековую борьбу...» [7, с. 563]. Мыслитель вынужден был признать, что и разработанный им «новый метод политического действия» – обеспечение доминирования на политической арене системы временных узкоспециализированных групп интересов – способен дать лишь ограниченный эффект. Скорее всего, предвидел он, дело сведётся лишь к формированию типа «среднего избирателя», по-прежнему идущего «за большинством», но делающего это «менее пассивно» и «менее раболепно» [Там же, с. 615-616].

Неприятие М. Я. Острогорским института политических партий было столь велико, что он порой высказывал сомнение даже в закономерном характере их появления в политическом пространстве. Так, например, возникновение политических партий в странах континентальной Европы он был склонен объяснять неудачным подражанием английскому эталону политической системы, выразившимся в истолковании их «случайной» (основанной на конкуренции партий) «формы» как «сущности свободных установлений» Великобритании. Вместе с тем учёный отмечал наличие у данной «ошибки» определённых смягчающих вину обстоятельств, связанных с необходимостью продолжения жёсткой политической борьбы против сопротивляющихся «реакционных сил» [Там же, с. 565-566]. Подобного рода «амбивалентностью» характеризовались и взгляды Острогорского в период Первой русской революции, когда, *теоретически* признавая нерешённость узловых общественных проблем России в начале XX в. и обусловленную ею «естественную и законную» дифференциацию политических сил в освободительном движении [8, с. 450], на *практике* он воевал против всех и всяких «партийных соображений» [3, с. 766].

2. Проблема классового содержания деятельности политических партий. У Ю. С. Гамбарова в гораздо большей степени, нежели у «раннего» Милокова, просматривается акцентировка функции представительства партиями определенных *классовых* интересов. «...Общественные классы и политические партии, – утверждал Гамбаров, – не только не противоположны, но, напротив, чрезвычайно близки и, в известных условиях, даже соотносительны между собой» [2, с. 19]. Затронув проблему влияния общественного мнения на партийную политику, учёный констатировал, что партии по своей сути являются «проводниками» «интересов и воззрений» определенных «общественных групп» в социальной жизни. Что же касается «так называемого общественного мнения», разъяснял он, то оно лишь «видоизменяет», но не «направляет» политический курс партий [Там же, с. 53]. Под этим углом зрения анализировал Гамбаров и вопрос о соотношении *социальных интересов и партийной идеологии*, придя к выводу о бытии последней лишь в качестве «абстрактной формулы» «для тех же интересов» [Там же, с. 13]. Более того, хотя и оговаривая свое неприятие марксистской методологии, Гамбаров признает *приоритетную* роль *экономических* интересов соответствующих социальных групп в определении курса партийной политики. Несмотря на всё многообразие социальных интересов, находящих свое отражение в деятельности политических партий, писал он, «не нужно быть сторонником доктрины экономического материализма», чтобы признать «первенствующее место» экономических интересов в их ряду [Там же, с. 14-15].

В то же время Ю. С. Гамбаров предостерег от вульгаризации «классового подхода» к анализу деятельности политических партий, проявляющейся в том, что «соотносительность» классов и партий понимается как их «тождество». Вовсе не обязательно, в частности, отметил он, наличие у каждого класса лишь одной партии – их может быть и несколько. Возможны также ситуации, когда партии «составляются из элементов, принадлежащих различным общественным классам...», как, например, это имеет место в Консервативной и Либеральной партиях Великобритании, Демократической и Республиканской партиях США. Указанные партии, по его мнению, «различаются теперь не классовыми, а иными интересами, которые возникают или внутри одного и того же класса имущих, или вытекают... из условий деятельности современного парламентского представительства» [Там же, с. 19-20].

Размывание классовой и идеологической идентичности традиционных английских и американских партий стало предметом особого интереса М. Я. Острогорского. Он объяснял этот феномен преодолением значимых социально-экономических и политических противоречий в высокоразвитых странах Запада (подобных проблеме рабства в США или вопросу об отмене «хлебных законов» в Великобритании). Значительно глубже и конкретнее, нежели у Гамбарова, оказалось у Острогорского и выявление классового содержания деятельности политических партий. Во-первых, Острогорский отметил, что *обе* традиционные английские партии уже в конце XIX века направлялись не неким абстрактным «классом имущих», как полагал Гамбаров, а «крупной буржуазией» [7, с. 262]. Во-вторых, он указал, что эволюция социально-классовой базы либералов и тори в значительной степени обуславливалась возрастанием политической зрелости *рабочего движения*. «По мере того, – писал учёный, – как буржуазия проводила свои политические и коммерческие требования и должна была, в свою очередь, обороняться против вновь наступающих, ее либерализм

испарялся, и она становилась консервативно настроенной» [Там же, с. 129]. В-третьих, можно предположить, что Острогорский, вероятно, опередил своих либеральных оппонентов в констатации системной трансформации капиталистической системы производства на рубеже веков и связанных с нею подвижек в сфере политики. Ещё в 1889 г. в ходе анализа основных тенденций социального развития США после гражданской войны он сделал чрезвычайно интересный и оригинальный вывод о том, что в сфере социально-экономических отношений рост производительных сил привёл к качественно новому уровню «концентрации капитала». Это позволило заправилам крупного бизнеса, отметил он, «зачастую ликвидировать конкуренцию, создавать фактическую монополию, ограничивать свободу труда...». Существенно сужается и возможность самовыражения граждан в социокультурной сфере, поскольку представители крупного капитала, захватив контроль над прессой, получили возможность практически монопольного формирования общественного мнения. Итогом же результатом усилий крупного бизнеса в политической области стало, как полагал Острогорский, обеспечение им «контроля над государством» [12, р. 58]. В своих последующих работах он использовал схожие характеристики этих тенденций, отметив, например, фактически главенствующую роль собственников «различных монополизированных отраслей промышленности» в определении политики обеих основных партий США [7, с. 332, 351-352]. Таким образом, Острогорский одним из первых обозначил ряд существенных черт начинавшегося тогда нового этапа социально-экономического развития, впоследствии именуемого (особенно в рамках марксистского подхода) монополистическим капитализмом (а сам Острогорский окрестил его «финансовым феодализмом»). Он попытался также проанализировать место и роль в общественном развитии социальной группы, ставшей лидером этих изменений, т.е. «монополистической буржуазии», если опять-таки использовать марксистскую терминологию. Его вывод был неблагоприятным для этой группы, интересы которой он считал социально деструктивными, «противостоящими общему интересу» [12, р. 59].

Подобно Острогорскому, Ю. С. Гамбаров также не был склонен идеализировать социальную природу государства даже в передовых западных демократиях. Констатация «классового» основания партийной политики была увязана у него с признанием неравнозначности представительства различных социально-классовых интересов во властных структурах. Более того, учёный сформулировал тезис о реализации – с использованием аппарата государственного принуждения – интересов «сильных и привилегированных классов» в ущерб интересам «более слабых и униженных слоев общества»: государство, констатировал он, не является делом «*всего* народа». Однако, в отличие от Острогорского, политические партии предстают в концепции Гамбарова в качестве нового, более адекватного современным реалиям механизма осуществления классового господства [2, с. 3-4].

Следует отметить, что вывод об исчерпании партиями смысла своего существования Острогорский сделал, прежде всего, на основании указанного им феномена размывания их идейно-политической идентичности. Этот тезис встретил возражение со стороны В. М. Хвостова, базировавшееся на учёте специфики политического развития США и европейских стран. Хвостов согласился со своим оппонентом в том, что в США «оскудение партийных программ» стало результатом длительного периода успешного, в сущности, беспрецедентного развития страны после гражданской войны. Однако, утверждал он, «подобное состояние... в Америке вечно продолжаться не будет. По мере истощения свободных земель, стужения населения и усиления борьбы за существование, по мере возрастающего вовлечения Америки в международную торговую конкуренцию задачи правительства станут здесь шире, внимания населения к ним возрастёт, и партии потеряют свой искусственный характер» [11, с. 54, 55]. Что касается европейских стран, то в них, отметил Хвостов, принципиальный характер межпартийной конкуренции явным образом усиливается уже в настоящее время в связи с «обострением отношений между трудом и капиталом» и ростом влияния социалистических партий, ставящих своей целью «полное переустройство социально-экономического строя» [Там же, с. 39].

В. М. Хвостов счёл преувеличенными и опасения М. Я. Острогорского и других критиков института политических партий по поводу «механизации» партийно-политической жизни, отметив, что «известная дисциплина» и «компромиссы» между меньшинством и большинством являются атрибутами «всякой социальной деятельности» [Там же, с. 58]. Главным средством преодоления тенденций к механизации политической жизни он считал развитие массовой политической культуры.

Подводя итоги своих размышлений об исторических перспективах института политических партий, В. М. Хвостов сделал вывод о его принципиальной жизнеспособности. «Зло заключается... не в самом существовании партий, которые не только полезны, но и необходимы, а потому и неустранимы», – писал он. Истоки «возможных злоупотреблений» коренятся «в неправильном функционировании партийной системы... Но мы видим, что это – не неизбежное состояние партийной деятельности, а результат особых, временных и устранимых причин» [Там же, с. 59, 60].

3. «Массовизация» политической жизни как детерминирующий фактор партгогенеза. По мнению П. Н. Милюкова, важным импульсом партгогенеза было и то обстоятельство, что в сферу политики стали вовлекаться широкие народные массы – «низшие классы, составлявшие фактически наибольшее число населения» и «позаботившиеся» «об устройстве новой социальной организации» – института «современных политических партий» [5, с. 7]. На первый взгляд, мнение П. Н. Милюкова о влиятельной роли народных масс в процессе возникновения института политических партий представляется не вполне корректным, поскольку, как известно, первые партии (например, партии тори и вигов в Великобритании) создавались и комплектовались отнюдь не представителями «низших классов» и отнюдь не интересы последних представляли. Однако эта, так сказать, погрешность чисто *исторического* свойства. *Логически* же рассуждение

П. Н. Милокова представляется имеющим право на существование (тем более что он упоминает «современные политические партии»). И в самом деле, по мере эволюции этого института и особенно после существенного расширения избирательного права в западных странах действительно имело место широкое вовлечение в партии выходцев из низших слоев населения, с интересами которых приходилось считаться партийным элитам даже «буржуазных» партий, не говоря уже о социал-демократических, крестьянских и др.

Большое внимание этому фактору уделил и Ю. С. Гамбаров, рассматривавший проблему партийно-политической организации рабочего класса в контексте борьбы пролетариата за разрешение противоречия между его статусом политического «суверена» (юридически равноправного с другими социальными группами субъекта политической жизни) и статусом «раба» в системе экономических отношений. «Неимуший класс», отметил Гамбаров, организуется для того, чтобы посредством усиления своего влияния на государственную власть стать классом «общественно-независимым», открыть себе «фактический доступ к народному капиталу» [2, с. 17-18]. Впрочем, отметил он, возникшие на волне рабочего движения социалистические партии могут ставить перед собой и более далеко идущие – «внесистемные», если использовать современную терминологию, – цели, отрицая, как, например, во Франции, всякое общественно-политическое устройство, «кроме того, которое вытекает из их учения» [Там же, с. 51]. Примечательной является и констатация Гамбаровым подавляющего преимущества германских социал-демократов в сфере внепарламентской организации перед всеми другими партиями континентальной Европы [Там же, с. 47].

М. Я. Острогорский исследовал данный круг вопросов в контексте расширения избирательного права, обусловившего превращение традиционных партий США и Великобритании в массовые организации. Сопутствовавшее этому процессу внедрение формально демократических процедур внутрипартийной жизни повлекло за собой некоторое расширение каналов вертикальной политической мобильности для представителей средних и низших слоев населения. Однако, подчёркивал Острогорский, это не означало превращения традиционных американских и английских партий в народные по содержанию их деятельности. Он полагал, как отмечалось выше, что в современных условиях «генеральная линия» партийной политики направляется монополистической буржуазией. Кроме того, «попутно» «олигархические» партийные элиты реализовывали и собственные групповые интересы, используя для этого свою возможность манипулировать кадрами, информацией, материальными ресурсами партии.

Следует отметить, что камнем преткновения для Острогорского стал феномен возникновения и роста политического влияния социал-демократии. Иногда он идентифицировал социал-демократические партии как «свободные союзы» с «единым» целевым объектом («социализмом») [7, с. 590], иногда просто отрицал наличие у них сколько-нибудь заметных идейных различий с традиционными партиями [Там же, с. 274]. В чём Острогорский был абсолютно уверен, так это в том, что руководящие структуры социал-демократов подвержены тем же тенденциям «олигархизации», которые характерны для партийных штабов консерваторов и либералов.

4. Интеллигенция и политические партии. У П. Н. Милокова мы встречаем ещё один ракурс рассмотрения генезиса института политических партий, связанный с социальной закономерностью *возвышения роли субъективного фактора* в общественном развитии и параллельно развивающимся процессом *роста социальной значимости интеллигенции*, совершенствования организационных форм её деятельности и уровня самосознания. Взяв в качестве примера русскую интеллигенцию, учёный отметил происходившую на протяжении двух последних веков её эволюцию «из состояния кружковой замкнутости на положение определенной общественной группы. Индивидуальные сотрудники Петра, товарищи по школе при дворе Елизаветы, оппозиционеры-масоны и радикалы Екатерининского времени, потом военные заговорщики, читатели и поклонники Белинского, единомышленники Чернышевского, учащаяся молодёжь, “третий элемент”, профессиональные союзы, политические партии – всё это постепенно расширяющиеся, концентрические круги» – «круги влияния» интеллигенции на социальные процессы. При этом мыслитель констатировал проявление в данной динамике ряда общих закономерностей развития этой социальной группы: «эволюция интеллигентского духа в других странах представляет ряд любопытных аналогий с нашей историей» [5, с. 296-297].

Примечательной является оценка Милоковым политических партий как *последнего по времени* «концентрического круга» социального влияния интеллигенции. Тем самым он констатировал, что именно в рамках данного политического института получили *наибольшее на тот момент развитие* такие позитивные тенденции развития этой общественной группы, как прогрессирующее ослабление сектантского характера и дифференциация содержания «интеллигентской идеологии». Участие в партийной жизни, отметил Милоков, способствовало улучшению ряда ключевых параметров социальной деятельности интеллигенции (конкретность и определенность задач, целенаправленность, непрерывность, организованность, систематичность). По сути дела, мыслитель постулировал *вывод о политической партии как об одной из наиболее перспективных форм самореализации интеллигенции на рубеже XIX-XX веков*.

Для М. Я. Острогорского, напротив, самореализация интеллигенции в рамках партийных структур представлялась абсолютно невозможной. Если мы суммируем все эпитеты, использованные им для характеристики существа партийной политики и внутрипартийных отношений, то увидим, что пребывание в партии оказывалось, с его точки зрения, особенно невыносимым для образованных, критически мыслящих, совестливых людей с выраженным чувством собственного достоинства. Партийные программы, по мнению Острогорского, иррациональны; руководство, состоящее из «партийных ханжей и истериков» [7, с. 262-263], требует от рядовых членов слепой приверженности партийному знамени и вождям. Жизнь партии

«сведена к хорошо разыгранным представлениям», «никакой гибкости, эластичности в движениях», всегда и всюду «игра, причём всё заранее спретенитовано, исключаются всякие проявления самопроизвольности» [Там же, с. 263]. В целом для Острогорского институт политических партий – это «школа рабского воспитания» [Там же, с. 557]. Показательно и то, что свои надежды на изгнание партий из политической жизни он возлагал преимущественно на интеллигенцию («лучший элемент»), призванную идеологически подготовить и возглавить создание «живыми силами общества» новых форм политической организации «снизу» [Там же, с. 479, 583-584, 612, 614, 621].

Исходя из этого, нам представляются не вполне обоснованными высказывавшиеся ранее характеристики М. Я. Острогорского как апологета «правящих классов», поставившего своей целью посредством «департизации» политического пространства сузить каналы влияния широких народных масс на политику [9, с. 39-44]. Вероятнее всего, концепция этого мыслителя, независимо от его субъективных намерений, была, прежде всего, ранним (и поэтому во многом неадекватным) отражением социальных ожиданий и социальных фобий интеллигенции, которая на рубеже XIX-XX вв. стала превращаться в значимый социальный слой, жаждущий самореализации в политике, в общественном служении, но на каждом шагу сталкивающийся с противодействием буржуазной «плутократии», государственной бюрократии и манипулируемой циничными партийными функционерами «толпы». Лозунг борьбы за «политику без партий», предложенный Острогорским и обозначивший одно из возможных направлений социального протеста интеллигенции и студенчества, оказался в какой-то мере востребованным уже в его время. Новую жизнь (пусть чаще всего и без ссылки на «первоисточник», и в иной интерпретации) он получил во второй половине XX в. в практике антивоенного, экологического и других «альтернативных» движений на Западе.

Итак, мы изложили представления П. Н. Милюкова, М. Я. Острогорского, В. М. Хвостова и Ю. С. Гамбарова об основных факторах, обусловивших становление принципиально нового механизма представительства политических интересов различных сегментов социума – института политических партий. Подводя итоги, можно констатировать, что одним из важнейших компонентов методологического инструментария представителей русского «нового» либерализма в области партологии был *историко-сравнительный (генетический) метод*, предполагавший выявление генетического родства социальных явлений и институтов и определение направления их дальнейшего развития. В этом отношении выводы Ю. С. Гамбарова и особенно П. Н. Милюкова, проследивших истоки института политических партий в средневековой сословной организации, заметно контрастировали с подходами М. Я. Острогорского, ограничившегося анализом лишь непосредственно предшествовавших партиям «протопартийных» форм. Новым словом – причём не только в русской, но и в мировой партологии – была попытка П. Н. Милюкова в ходе выяснения генезиса института партий применить социально-философскую категорию *общественно-целесообразной деятельности*. Интересным моментом исследования П. Н. Милюкова стало и использование им для иллюстрации общей схемы повышения качества «общественно-целесообразных поступков» элементов гегелевской *диалектики*.

Следует отметить, что опыт применения М. Я. Острогорским «экзистенциальной» парадигмы исследования института политических партий не стал исключением в русской либеральной мысли. Попытки выявления глубинных смысложизненных оснований партийной деятельности – хотя попытки, разумеется, принципиально иные по своему содержанию – прослеживаются в творчестве Н. А. Бердяева, С. Н. Булгакова, С. Л. Франка.

Предложенная П. Н. Милюковым трактовка причинно-следственной связи между прогрессом общественно-целесообразной деятельности и характером института политических партий очевидным образом «работала» на воспринятую «новыми» русскими либералами модель «своей» политической партии как *партии надклассовой*, способной сплотить все основные социальные слои в деле преобразования самодержавного строя России в строй конституционный, правовой. В идеале, вероятно, П. Н. Милюков рассчитывал на возникновение в России ситуации, аналогичной имевшему место в конце 70-х гг. XIX в. эпизоду политической истории Болгарии, когда либеральная партия «не была даже “партией”»: она была... “народом”, т.е. народ не отделял её от себя...» [3, с. 574].

Диаметрально противоположным оказался подход М. Я. Острогорского, предложившего вообще отказаться от института политических партий в пользу системы общественных организаций, призванных заниматься решением конкретных частных проблем. Парадоксальным было то, что к этому выводу пришёл исследователь, который гораздо раньше, чем его соратники по либеральному лагерю, проанализировал новейшие тенденции развития капитализма на Западе и поэтому, казалось бы, способен был наиболее отчётливо представить себе их социально-политические последствия, в том числе и на отечественной почве.

Наиболее реалистичными оказались выводы В. М. Хвостова и Ю. С. Гамбарова, констатировавших не только классовую сущность государства и политических партий даже в демократических странах Западе, но и весьма острый характер конфронтации между «трудом и капиталом», а также возникновение на гребне рабочего движения великолепно организованных, дисциплинированных «внесистемных» партий. С классическим образчиком последних русским либералам доведётся встретиться лицом к лицу; и чем дальше, тем больше феномен большевизма будет становиться одним из главных предметов анализа в рамках русской либеральной партологии. При этом экскурсы в область социальной философии останутся немаловажной составляющей партологических исследований, всё более концентрируясь на выяснении очередных аспектов традиционного для российской философской повестки дня дуализма «Россия – Запад». Но это уже тема последующих публикаций автора настоящей статьи.

Список литературы

1. Андреев И. В. Б. Н. Чичерин: институт политических партий в восприятии философа // Вестник Московского университета. Сер. 12. Политические науки. 2010. № 3. С. 3-10.
2. Гамбаров Ю. С. Политические партии в их прошлом и настоящем. Изд-е 2-е. СПб.: Тип. Альшутера, 1905. 48 с.
3. Государственная дума. Созыв I. Сессия I: полн. стенографич. отчет: в 2-х т. СПб.: Гос. тип., 1906. Т. 1. XII+866 с.
4. Милоков П. Н. Болгарская конституция // Политический строй современных государств: в 2-х ч. / под ред. П. Д. Драгомирова и И. И. Петрункевича. М.: Беседа, 1905-1906. Ч. 1. С. 545-652.
5. Милоков П. Н. Введение в курс русской истории: лекции, читанные П. Н. Милоковым на Московских педагогических курсах. 1894-1895 учебный год. М.: Лит. Р. Рихтер, б. г. Ч. 3. 192 с.
6. Милоков П. Н. Интеллигенция и историческая традиция // Вехи: интеллигенция в России: сб. ст. 1909-1910 / сост., коммент. Н. Казаковой; предисл. В. Шелохаева. М.: Мол. гвардия, 1991. С. 294-381.
7. Острогорский М. Я. Демократия и политические партии. М.: РОССПЭН, 1997. 640 с.
8. Острогорский М. Я. Нравственная гильотина // Полярная звезда. 1906. № 7. С. 450-457.
9. Терехов В. И. Концепция исключительности партийно-политической системы США в работах А. Токвиля, Дж. Брайса и М. Острогорского // Вестник Московского университета. Сер. 8. История. 1981. № 5. С. 30-44.
10. Хвостов В. М. Общая теория права: элементарный очерк. Изд-е 3-е. М.: Тип. Вильде, 1906. VI+136 с.
11. Хвостов В. М. Общественное мнение и политические партии. М.: Т-во И. Д. Сытина, 1906. 63 с.
12. Ostrogorski M. De l'organisation des partis politiques aux États-Unis. P.: Ancienne librairie Germer Bailliere et C°, 1889. 100 p.
13. Ostrogorski M. Democracy and the Organization of Political Parties: in 2 vol. L. – N. Y.: Macmillan, 1902.

SOME SOCIAL-PHILOSOPHICAL ASPECTS OF THE RUSSIAN “NEW” LIBERALS’ RESEARCHES ON POLITICAL PARTY AFFILIATION PHENOMENON (THE END OF THE XIXTH – THE BEGINNING OF THE XXTH CENTURY)

Igor' Vladimirovich Andreev, Ph. D. in Philosophy, Associate Professor
Department of History, Philosophy and Sociology
Moscow State Academy of Communal Services and Construction
i1532@yandex.ru

The author discusses the eminent Russian liberalism theoreticians' ideas about the most important social prerequisites of political parties' institution genesis, shows that those prerequisites included, in particular, the processes of social class organization transformation, the involvement of masses into political life, the increase of intellectuals' social role; and emphasizes the fundamental differences in the perception of the range of problems that existed in the Russian liberal scientific community.

Key words and phrases: Russian liberalism; institution of political parties; theory of political parties (partology); social progress; social class organization of society; masses and politics; intellectuals' political role.

УДК 130.2

В рамках культурологического учения испанского философа Х. Ортеги-и-Гассета анализируется связь кризиса культуры рубежа XIX-XX вв. с феноменом «нового искусства». Внимание автора уделено причинам, а также типологии субъектов кризиса. «Новое искусство» рассматривается как реакция на антиген культуры – господство «человека-массы».

Ключевые слова и фразы: элита; масса; человек-масса; дегуманизация искусства; восстание масс; кризис европейской культуры.

Алексей Иванович Артемьев

Кафедра гуманитарных наук

Академия переподготовки работников искусства, культуры и туризма, г. Москва

filarmonica@yandex.ru

**КРИЗИС ЕВРОПЕЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ РУБЕЖА XIX-XX ВВ. КАК ДЕТЕРМИНАНТА
 «НОВОГО ИСКУССТВА» В КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОЙ ДОКТРИНЕ Х. ОРТЕГИ-И-ГАССЕТА®**

Наследие Х. Ортеги-и-Гассета спустя почти столетие раскрывается с новых сторон и интерпретируется в новых формах. Несмотря на то что Ортега-и-Гассет широко известен российскому научному сообществу, еще многие его работы не переведены на русский язык. Источником проведенного исследования является корпус трудов мыслителя на испанском языке (полное собрание сочинений, статьи в периодических изданиях Испании межвоенного периода). В рамках исследования были поставлены следующие задачи: определить причины кризиса и типологию его субъектов, выявить причинно-следственные связи концепции кризиса культуры с феноменом «нового искусства», а также раскрыть сущность и характеристики последнего.